

Сделав горшок, Сюй Синчжи принялся учить Чжоу Ван играть в «бросание стрел». Раньше она никогда не пробовала подобных игр, но, стоило ей начать, как она тут же увлеклась. Однако её руки, привыкшие управляться с тяжелыми парными клинками весом в сотню цзиней, никак не могли рассчитать силу, и то и дело раздавался звонкий треск — горшок разлетался вдребезги.

Сюй Синчжи, однако, проявлял терпение: еще вчера он в один присест наделал для неё с полтора десятка новых сосудов, позволяя девчонке крушить их сколько душе угодно.

Когда Сюй Синчжи вышел из башни, Чжоу Ван уже утомилась и прилегла отдохнуть, прислонившись к боку Цюй Чи.

Цюй Чи, по-видимому, был большой любитель сладкого. Едва Чжоу Ван устроилась рядом, он выудил из-за пазухи свои драгоценные камешки и протянул ей:

— Ешь.

Она, не меняясь в лице, приняла подношение, положила камешек в рот и со всей серьезностью распробовала:

— Очень сладко. Спасибо, крестный.

Цюй Чи расплылся в нежной улыбке и протянул руку, чтобы потрепать Чжоу Ван по волосам. Она склонила голову, позволяя ему себя гладить, но в её глазах читалось выражение взрослого, который лишь притворяется несмышленным, чтобы порадовать ребенка.

Сюй Синчжи, прислонившись к дверному косяку, наблюдал за ними и невольно усмехнулся.

Возраст Цюй Чи был загадкой, но его нынешний интеллект едва ли превышал уровень малого дитя. То, как гармонично они смотрелись с Чжоу Ван, напоминало не отношения отца и дочери, а скорее старшую сестру, балующую неразумного младшего брата.

К ним подошел Тао Сянь. Наклонившись, он о чем-то спросил, а затем, сняв с плеча длинный льняной халат, накинул его на плечи Цюй Чи:

— Не простудись.

Цюй Чи потянул Тао Сяня за рукав, усаживая рядом, и настойчиво предложил свои «конфеты»:

— Конфету хочешь? Угощайся.

Тао Сянь с самым серьезным видом принялся его успокаивать:

— Старший брат Цюй, от сладкого зубы портятся.

Цюй Чи раздул щеки, глядя на него с полным недоумением:

— Почему?

Тао Сянь ласково пообещал:

— Вот когда мы сможем отсюда выбраться, я куплю тебе много-много сладостей, еще и сахарных ягод на палочке угощу.

Цюй Чи оживился:

— А что такое сахарные ягоды?

Тао Сянь принялся терпеливо объяснять, жестикулируя:

— Это такое лакомство, которое обожают дети. Их делают из боярышника, они кисло-сладкие, тебе точно понравится.

Цюй Чи выудил из кармана горсть камешков и пробормотал себе под нос:

— Я знаю, что такое сладко. Вот этот вкус называется сладким. А что тогда называется кислым?

Тао Сянь не знал, смеяться ему или плакать, а Чжоу Ван, прислушивавшаяся к разговору, тоже заинтересовалась. Выросшая в Диких землях, она не знала вкуса ни кислого, ни сладкого, ни острого.

Сюй Синчжи немного постоял, слушая этот по-детски наивный диалог, и поднял голову вверх.

Лу Юйцзю сидел на карнизе третьего яруса башни, свесив одну ногу и предаваясь праздным мыслям. Рядом с ним лежала флейта пая, вырезанная из дерева.

Чжоу Бэйнань сидел еще выше. От нечего делать он метал свое призрачное копье, словно дротик, в землю, а затем, направляя духовную энергию, каждый раз призывал его обратно. Было очевидно, что он — мастер игры в «бросание стрел»: с расстояния в несколько десятков метров он каждый раз вонзал копье точно в ту же точку, куда оно упало до этого.

У ручья, спиной к ним, сидела Костяная дева, стирая их одежду. Привыкнув к её пугающему, хрупкому облику, они перестали видеть в ней нечто ужасное. Более того, она оказалась большой любительницей музыки: стирая, она тихо напевала, и мелодия её была вовсе не печальной, а довольно бодрой.

Лу Юйцзю поднял флейту и начал подыгрывать ей.

Глядя на всё это, Сюй Синчжи ощутил небывалое спокойствие.

В первые три дня после прибытия в Дикие земли его мучили тяжелые мысли и кошмары, зачастую весьма непристойного характера. Просыпаясь, он чувствовал слабость во всем теле, а после третьего раза и вовсе слег с лихорадкой. Юань Жучжоу приходила проводить его, но он не мог признаться в странных снах, поэтому, поразмыслив, сослался на простуду.

За эти несколько дней отдыха, лежа в постели, он тщательно разложил по полочкам мысли, которые не успел упорядочить с момента попадания в этот мир.

Во-первых, почему даже здесь он остался калекой? Неужели «Сознание мира» учло, что он больше десяти лет не владел правой рукой, и, боясь разоблачения перед этой группой, заодно отсекло руку и оригиналу, чтобы ему было удобнее пользоваться телом? Если это так, то «Сознание мира» проявило поистине пугающую дотошность.

Во-вторых, почему эти люди в свое время украли божественный артефакт? И почему потерпели неудачу? Воспоминания оригинала, предоставленные «Сознанием мира», были обрывочными, а скрытые в теле пласты памяти за эти дни так и не всплыли. Сюй Синчжи пытался расспросить человека в звериной шкуре, но тот был тяжело ранен и находился без сознания. Проверки показали, что и Чжоу Ван ничего не знает о тех событиях. Все остальные были непосредственными участниками, но спрашивать их напрямую — значит навлечь подозрения. А если его личность раскроют, игра будет окончена.

Однако после нескольких дней общения Сюй Синчжи никак не мог разглядеть в этих людях той злодейской сущности, о которой гласили слухи. Да, недавно они жестоко расправились с налетчиками из Фэншаня, говорят, запах крови разносился на десять ли, и это звучит устрашающе. Но в Диких землях закон один — выживает сильнейший. Ресурсов здесь мало, а Фэншань и Башня находятся рядом, в центре пустошей, поэтому стычки неизбежны. К тому же люди из Фэншаня всегда выбирали время, когда Мэн Чунгуан не было на месте, надеясь вырезать пару человек из этой семерки и ослабить его влияние.

До его появления Мэн Чунгуан был поглощен поисками оригинала, уходя из дома на десять дней, а то и на месяц, и, разумеется, не обращал внимания на эти разборки. Вероятно, для него эта банда из Фэншаня была не опаснее назойливых мотыльков. Даже после многочисленных нападений эти люди ни разу не перешли в наступление, ограничиваясь лишь обороной.

Сюй Синчжи ломал голову, пытаясь понять, зачем им вообще понадобился артефакт. Чжоу Бэйнань — старший сын главы острова Интяньчуань, он мог бы получить артефакт законным путем. Цюй Чи был первым учеником пика Даньян, но может ли человек, лишившийся рассудка, быть допущен к тайнам артефакта? Лу Юйцзю в воспоминаниях оригинала был простым младшим учеником долины Цинлян, зато верным другом. Костяная дева не казалась амбициозной, Тао Сянь — простой смертный, недавно пришедший в секту, а Чжоу Ван вообще родилась в Диких землях и даже не знала истории конфликта.

Выходило, что Мэн Чунгуан — единственный, чьи истинные намерения оставались для Сюй

Синчжи загадкой. Но и он, когда вступал в секту Фэнлин, не казался тем, кто замышляет неладное. Они встретились на празднестве Дунхуан, как Мэн Чунгуан мог быть уверен, что Сюй Синчжи заберет его с собой?

Эти вопросы заводили в тупик, поэтому он решил пока отложить их в сторону.

В-третьих, так ли уж необходимо убивать Мэн Чунгуана? Поначалу он не задумывался об этом всерьез, но после двух неудачных попыток покушения начал искать другие пути. Если после выхода из Диких земель Мэн Чунгуан будет жить уединенно и не станет творить зло, почему бы не помочь ему выбраться? Более того, Мэн Чунгуан обладает чудовищной, бездонной демонической силой, которую даже «Сознание мира» не может легко стереть. Может, стоит открыться ему, рассказать правду о том, что он — пришелец из другого мира, и предложить сделку? Мэн Чунгуан выберется на свободу, а затем, по примеру «Сознания мира», отправит его обратно.

Если бы «Сознание мира» узнало об этих мыслях, его бы, наверное, хватил удар. Но Сюй Синчжи лишь размышлял. Он понимал: если он признается, что не настоящий Сюй Синчжи, а лишь занял его лицо, Мэн Чунгуан, скорее всего, тут же отправит его на тот свет, и он никогда больше не увидит отца и сестру.

При мысли о семье Сюй Синчжи погрузился в глубокую задумчивость, пока теплые объятия не сковали его сзади.

— О чем задумался, старший брат? — Мэн Чунгуан прижался к нему, положив острый подбородок на плечо. — Я тоже хочу знать.

Сестра Сюй Синчжи, Сюй Утун, тоже любила так ластиться к нему, поэтому он не нашел в этом ничего предосудительного. Казалось, все избалованные дети в этом мире подобны выюнкам, обвивающим дерево, и не умеют выражать привязанность иначе, как через навязчивость.

— Ни о чем особенном, — ответил он. — Просто подумал, что в Диких землях нет ни солнца, ни луны, ни звезд — всё серое и унылое, скука смертная.

— Хочешь увидеть звезды? — спросил Мэн Чунгуан.

— Нет, просто так, взгрустнулось, — ответил Сюй Синчжи и добавил: — Любование звездами и луной — удел таких утонченных натур, как Вэнь Белоголовый.

Сказав это, он сам опешил. Фраза вырвалась случайно, без всякого умысла. Неужели это реакция тела оригинала?

В голове всплыл еще один вопрос. В четырех сектах: Сюй Синчжи, Цюй Чи с пика Даньян и

Чжоу Бэйнань с Интяньчуаня — все они оказались в Диких землях. Однако о Вэнь Сюэчэне, известном как Вэнь Белоголовый, — самом честном и непримиримом к грешникам — никто не проронил ни слова.

Пока он пребывал в замешательстве, Чжоу Бэйнань, сидевший наверху, снова призвал копье в ладонь, но не стал метать его на прежнее место. Копье, подобно дракону, разрежало воздух с пронзительным свистом и вонзилось в заросли тростника в нескольких десятках метров. Раздался душераздирающий крик, брызнула кровь.

Сюй Синчжи вздрогнул и посмотрел туда. Чжоу Бэйнань, чья скорость была несравнима с человеческой, мгновенно оказался у зарослей и вытащил тело. На убитом были точно такие же одежды, как на Мэн Чунгуане: белые облачные халаты, повязки из ткани гэ. Копье Чжоу Бэйнаня не должно было убить его — оно лишь пробило ногу, пригвоздив к земле, но человек был уже мертв. Кровь текла из уголка рта. Чжоу Бэйнань разжал челюсти — половина языка выпала наружу.

Сюй Синчжи, не обладавший духовным зрением, не мог разглядеть деталей, но по одежде понял суть происходящего.

Цюй Чи с любопытством спросил Тао Сяня:

— Это люди из Фэнлин пришли? Если это они, я угощу их конфетами.

— Тсс, — отозвался Тао Сянь.

Мэн Чунгуан подтолкнул Сюй Синчжи за плечо:

— Старший брат, иди в башню. Люди из Цзючжидэн пришли.

— Зачем они здесь? — удивился Сюй Синчжи.

— Пока мы живы, они будут приходить, — голос Мэн Чунгуана был холодным, но, обернувшись к Сюй Синчжи, его взгляд вновь наполнился бесконечной нежностью. — Иди, старший брат, если начнется бой, тебя могут задеть.

Сюй Синчжи не стал спорить, бросил лишь короткое «будь осторожен» и скрылся в башне. В голове у него всё еще крутилась та случайная фраза, а перед глазами вспыхивали обрывки воспоминаний оригинала. Если он останется здесь, то снова может потерять сознание, лишь став обузой.

Как только Сюй Синчжи скрылся, доброта и нежность исчезли с лица Мэн Чунгуана.

Чжоу Бэйнань подтащил труп:

— Мертв. Отравил себя, откусив язык.

— Видимо, в Цзючжидэн им дали четкие инструкции, — усмехнулся Мэн Чунгуан. — Они боятся попасть ко мне живыми.

Чжоу Бэйнань огляделся:

— Возможно, есть и другие лазутчики. Что делать?

— Найти всех до единого, — приказал Мэн Чунгуан. — И как раньше — содрать с них кожу вместе с одеждой.

Юань Жучжоу, стиравшая у ручья, оказалась ближе всех к месту происшествия. Пройдя по кровавому следу, она пошарила в тростнике и выудила зеркальце. Стоило ей взглянуть в него, как лицо её переменялось, и она с силой раздавила зеркало в пыль.

Она принесла осколки к башне и показала Мэн Чунгуану:

— Младший брат, посмотри. Это Зеркало Духовного Болота. Зеркала этого типа связаны между собой, всё, что видит одно, передается другому.

Чжоу Бэйнань нахмурился:

— Разве это не артефакт Цзючжидэн? — он посмотрел на Мэн Чунгуана. — Значит, шпион следил, не причинил ли ты вреда Сюй Синчжи?

Мэн Чунгуан, не меняясь в лице, улыбнулся осколкам:

— Выбрось эту дрянь. Старший брат живет со мной в мире и согласии, с чего бы ему причинять мне вред?

На другом конце связи.

Ученик в одеждах секты Фэнлин, держащий в руках второе зеркало, пал ниц перед кем-то, не смея произнести ни слова. Изображение в зеркале дробилось, лицо Мэн Чунгуана множилось, голос доносился прерывисто, но слова были отчетливы: «...старший брат... живет со мной... в мире и согласии... с чего бы ему... причинять вред...»

Перед зеркалом стоял Цзючжидэн в белых облачных одеждах. В его холодных глазах полыхал гнев. Услышав последнюю фразу, он с силой швырнул свиток, который держал в руках. Хрустальная ваза в стороне разлетелась вдребезги, цветы посыпались на пол, вода разлилась повсюду. Ученик в ужасе прижался к земле.

— Позовите Вэнь Сюэчэня, — спустя долгое время раздался холодный голос Цзючжидэна, в

котором гнев, казалось, полностью утих. — Пусть он придумает, как вытащить старшего брата из Диких земель.

Ученик пробормотал согласие. Поднимаясь, он случайно взглянул на стол, за которым сидел Цзючжидэн, и похолодел: столешница из тысячелетнего сандалового дерева была изуродована пятью глубокими, свежими следами от пальцев.

Сюй Синчжи, пошатываясь, вошел в комнату и из-за пелены перед глазами едва не опрокинул керамическую вазу. Ухватившись за неё, он почувствовал, как обрывки видений начинают складываться в цельную картину. На этот раз он не потерял сознание, лишь тяжело дышал, прислонившись к стене. Перед глазами проплывали густые туманы, которые вскоре рассеялись, открыв ясный пейзаж.

Перед ним возникла улица, омытая осенним дождем. Напротив чайной, судя по ярким огням, находился публичный дом. Из него доносились печальные звуки пипы, смешивающиеся с шумом дождя. Улица была почти пуста.

Под навесом чайной, прячась от дождя, сидел глухой старик, торговец сахарными ягодами. Его корзина была полна нераспроданного лакомства. Слуга чайной вышел и принялся его прогонять:

— Уходи, уходи! Не видишь, здесь благородные люди? Оскорбишь их — лишишься удачи в следующей жизни!

Старик не слышал слов, лишь видел, что его гонят, и привычно собрался уходить.

Сюй Синчжи, сидевший у окна, увидел это и с легкой улыбкой сказал:

— Хозяин, я хочу пригласить этого старика выпить чаю. Проявите любезность.

Он бросил на стол монету, и звон металла заставил глаза слуги загореться. Тот поспешил в дождь, схватил старика и, активно жестикулируя, с поклонами проводил его внутрь.

Цзючжидэн, сидевший за одним столом с Сюй Синчжи, налил чаю в свою чашку и молча подал старику, а затем достал из-за пазухи завернутую в лotosовый лист еду. Старик благодарил его, но тот, не меняясь в лице, лишь слегка кивнул и вернулся на место.

Сюй Синчжи что-то обсуждал с Мэн Чунгуаном, а когда Цзючжидэн вернулся, потянул его за рукав:

— Вы двое, послушайте, разве девушка не прекрасно играет на пипе?

Цзючжидэн ответил сухо:

— Неплохо.

Мэн Чунгуан, глядя на Сюй Синчжи с улыбкой, добавил:

— Не так хорошо, как старший брат.

Цзючжидэн бросил на него быстрый взгляд, но промолчал. Сюй Синчжи, словно фокусник, выудил из ладони банкноту:

— Когда закончим дела, я свожу вас туда развлечься?

Цзючжидэн тут же покраснел и, поджав губы, замотал головой:

— Старший брат, это место порока, нельзя...

Мэн Чунгуан же подпер щеку рукой и беззаботно рассмеялся:

— Здорово! С тобой, старший брат, я куда угодно пойду, мне везде хорошо.

Сидевшая за столом девушка тихо кашлянула, её личико вспыхнуло:

— Старший брат...

Девушка была одета в одежды секты Фэнлин и была невероятно красива — тонкие черты лица, фарфоровая кожа, черные как смоль волосы. Красавицам свойственно быть капризными, и она не стала исключением. В её тоне проскользнула колкость:

— Судя по твоим словам, старший брат, ты там частый гость?

Сюй Синчжи не успел ответить, как вмешался Чжоу Бэйнань:

— Не слушай его. У него кишка тонка зайти в такие заведения. Затащить вас туда он хочет лишь для храбрости.

— Перестань портить мою репутацию перед младшими, — отозвался Сюй Синчжи.

Чжоу Бэйнань, даже не глядя на него, сказал девушке:

— В прошлый раз мы с твоим старшим братом ловили призрака на горе Шоуян. После дела он начал хвастаться, что сводит меня в злачные места, расписывал всё так, будто бывал там сотни раз. Но стоило девушке схватить его за пояс, как он струсил, забормотал: «Нет-нет, у меня жена вот-вот родит», — и утащил меня в сторону, только пятки сверкали.

— Чжоу Толстяк, ты жить надоел? — возмутился Сюй Синчжи.

Чжоу Бэйнань не испугался:

— А разве не так было?

Девушка рассмеялась, дразня Сюй Синчжи. Рядом с Чжоу Бэйнанем сидела его сестра Чжоу Сянь. Она унаследовала черты брата, но не его характер, и лишь кротко прикрыла рот ладонью, улыбаясь.

Услышав слова Чжоу Бэйнаня, Мэн Чунгуан и Цзючжидэн одновременно выдохнули с облегчением. Заметив состояние друг друга, они встретились взглядами и тут же быстро отвели глаза.

Разговор прервал Вэнь Сюэчэнь, сидевший отдельно. Он постучал по чашке и приказал Чжоу Бэйнаню и Сюй Синчжи:

— Хватит препираться.

В отличие от других пустующих заведений, эта маленькая чайная была полна народу. Основные столы занимали ученики четырех сект. Сюй Синчжи сидел с Мэн Чунгуаном, Цзючжидэном и младшей сестрой Юань Жучжоу; Чжоу Бэйнань — с сестрой Чжоу Сянь; Цюй Чи — с несколькими учениками пика Даньян. И лишь Вэнь Сюэчэнь сидел в одиночестве, попивая вино. Двое учеников долины Цинлян, которых он привел с собой, включая Лу Юйцзю, тихо сидели за отдельным столом, ведя себя безупречно.

<http://bllate.org/book/22484/2370474>